

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ГЕНЕРАЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*elena-generalova@yandex.ru***ЕВРОПЕИЗМЫ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФОНЕТИЧЕСКОЕ,
ГРАММАТИЧЕСКОЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ***

Рассматриваются процессы формальной адаптации заимствований из европейских языков в русский язык периода XVI–XVII веков. Цель исследования – выявить специфику фонетической, грамматической и словообразовательной ассимиляции иноязычной лексики в допетровскую эпоху. Материалом послужили данные исторических и этимологических словарей русского языка. Памятники старорусского языка демонстрируют начало активного проникновения в русский язык заимствований европейского происхождения, и этот процесс – в частности формальная ассимиляция – носит своеобразный характер, будучи осложнен частым опосредованным характером заимствований и сильной языковой вариативностью. Особенностью фонетической ассимиляции заимствований является их близость к языку-источнику (и посреднику) и значительное фонетико-графическое варьирование. С точки зрения частеречного распределения, в русский язык Московской Руси из языков Европы заимствуются преимущественно существительные, в меньшей степени глаголы. Наблюдается полное грамматическое освоение этих заимствований и последовательное включение их в русскую морфологическую систему, несклоняемых существительных и прилагательных не фиксируется, самый часто варьируемый грамматический признак – род. От заимствованных основ активно образуются производные, но в деривации исконных и заимствованных лексем нет принципиальных различий.

Ключевые слова: заимствование, русский язык XVI–XVII веков, историческая лексикология, фонетическая ассимиляция, грамматическая ассимиляция, словообразовательная ассимиляция

Для цитирования: Генералова Е. В. Европеизмы в старорусском языке: фонетическое, грамматическое и словообразовательное освоение // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 45–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.498

ВВЕДЕНИЕ

Заимствования из европейских языков проникали в русский язык в разные периоды его существования, однако в каждую конкретную эпоху этот процесс имел уникальные особенности в отношении количества усвоенных русским языком иноязычных слов, основного направления заимствования, тематических групп заимствуемой лексики и особенностей ее освоения

Этап старорусского языка (языка Московской Руси XVI–XVII веков) определяется рядом исследователей как начальный период формирования национального языка [7: 25]. В это время формируется основной словарный состав русского языка, наследуемый далее языком национальным, к этому времени восходит и ряд тенденций, актуальных впоследствии. Активизация в русском языке заимствований из европейских языков – один из таких процессов. Если до XV века слов, усвоенных русским языком из европейских языков или через их посредство, относительно

немного (несколько десятков), то с XV века, последовательно в XVI и особенно в XVII веке в связи с изменением политической, военной, экономической, культурной ситуации закономерно возрастает количество лексики европейского происхождения в русском языке. Исследуя германизмы в русском языке XV–XVII веков, А. К. Рейцак делает вывод, что

«XVI в. представлен малочисленными заимствованиями; по количеству заимствований первая половина XVII в. немногим отстает от целого XVI в., а во второй половине XVII в. в язык вошло вдвое больше заимствований, чем в первой половине XVII в. Резкое увеличение количества заимствований наблюдается с 1695 г., т. е. уже в собственно Петровскую эпоху» [9: 10].

Такое соотношение справедливо и в целом для характеристики процесса заимствования лексики европейского происхождения в старорусском языке. Последующий период петровского времени коренным образом отличается от предыдущего не только по количеству,

но и по принципам заимствования. В связи с этим необходимо признать (и это подчеркивается исследователями иноязычной лексики этого периода) важность изучения допетровской эпохи в истории русского языка в отношении процесса заимствования [11: 22], поскольку лексическое обогащение русского языка заимствованиями из европейских языков началось вовсе не с момента открытия Петром I «окна в Европу», а именно в период Московской Руси [12: 23].

Основной причиной вхождения в язык иноязычной лексики в этот период является потребность описать появлявшиеся в жизни русского средневековья незнакомые (нерусские) реалии или явления в связи с усилившимися контактами России с европейскими странами. Заимствования из языков Европы проникали в русский язык устным (из речи купцов, иностранных специалистов, наемников, русских людей, побывавших за рубежом) и книжным (за счет переводной литературы и литературы на иностранных языках) путями. Количество, тип и семантика заимствований во многом определяются типом памятника (переводной/непереводной), его жанром, территорией создания.

С точки зрения происхождения среди европеизмов (в широком смысле) можно выделить: а) прямые заимствования (зафиксированы почти из всех европейских языков, хотя из испанского, итальянского, венгерского приходят обычно опосредованно): *кипа* (из ср.-нж.-нем. *kip*), *галонь* (из англ. *gallon*), *матрось* (из голл. *matroos*), *ворвань* (из др.-шв. *parhval*, шв., дат. *parval*), *канитель* (из фр. *cannetille*), *гарнецъ* (из пол. *garnciec*) и др.; б) заимствования из европейских языков, проникавшие в русский язык через посредство других европейских языков (преимущественно немецкого, польского языков, распространенных на Юго-Западе Руси); в) заимствования не из европейских (в частности восточных) языков, проникавшие в русский язык посредством европейских языков. Важной особенностью этого периода истории русского языка является опосредованный характер большинства заимствований. Преимущественно европеизмы этого периода проникали в русский язык через польский или языки Юго-Западной Руси, хотя разные исследователи по-разному описывают этот процесс. Например, Г. Милейковская, исследовавшая полонизмы в старорусском языке, настаивает на том, что

«группа европеизмов, вошедшая в русский через польский язык, вероятно, была меньшей, чем это ей приписывается, а роль ее в организации литературной речи Руси до XVIII века не была значительной» [8: 58].

Л. П. Гарбуль подчеркивает, что в роли активного посредника в польско-русских языковых контактах указанного периода выступала письменность Великого княжества Литовского [3: 65]. Профессор А. Золтан настаивает на том, что по возможности должна изучаться вся историческая цепочка миграций слова, и доказывает значимость западнорусских языковых контактов в области лексики [6].

Заимствования из европейских языков этого периода описывались в разных аспектах: наряду с системным описанием изучались отдельно англицизмы, галлицизмы, германизмы и др., ряд работ посвящен проблеме полонизмов в русском языке; также заимствования исследовались в региональном аспекте, как лексический компонент в составе отдельных памятников, восстанавливались этимологии отдельных слов и групп слов.

В настоящей статье рассматриваются процессы формальной адаптации заимствований из европейских языков, а именно их фонетическое, грамматическое и словообразовательное освоение. Цель исследования – выявить специфику формальной ассимиляции иноязычной лексики в допетровскую эпоху. Материалом послужили данные исторических словарей русского языка (прежде всего «Словаря русского языка XI–XVII вв.»¹, «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»² и его картотеки), этимологических словарей русского языка, в первую очередь «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера³, а также представленных в лексикографическом виде этимологических словариков выводов отдельных исследователей [2], [9], [12: 55–123].

ФОРМАЛЬНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВЕКОВ

Фонетическая ассимиляция европеизмов в русском языке XVI–XVII веков

Для процесса *фонетической ассимиляции* заимствований в старорусском языке характерны, с одной стороны, приспособление европеизмов к русской фонологической системе, с другой стороны, существенная фонетическая близость заимствуемого слова языку-источнику. Также, в связи с частым опосредованным характером заимствований, облик заимствованного слова нередко определяется влиянием фонетических систем разных языков. За счет этого фиксируется значительное количество фонетических вариантов заимствований, поддерживаемое и общей широкой вариативностью лексики,

характерной для ненормированной, находящейся на пике своего экстенсивного развития системы русского языка XVI–XVII веков. Более того, именно фонетико-графическая вариативность (особенно наличие более двух вариантов) в языке этого периода – зачастую убедительное свидетельство иноязычного происхождения слова: см. *аптекарь* – *апотекарь* – *оптекарь* – *обтекарь*, *итальянский* – *аталиянский* – *витицелянский* – *витилянский* – *италианский* – *италиянский* – *ителянский* – *итилянский* – *итолиянский* и т. п.

В фонетическом освоении европейских заимствований в языке XVI–XVII веков действуют следующие закономерности и тенденции. Изменениям часто подвергался начальный звук, особенно звук, несвойственный русской фонологической системе: см., например, *h/-* (утрата начального слабого придыхательного): *етманъ* (через пол. *hetman* из вост.-ср.-нем. *häuptmann* ‘начальник, капитан’), *арцугъ* (из нем. *Herzog*), *h, y/z* (замена начального слабого придыхательного или щелевого на взрывной *z*): *гайдук* (через укр. *гайдук*, пол. *hajduk* из венг. *hajdú*, мн. *hajdúk* ‘наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок’), *гарус* (через пол. *haras, harus*, из нем. *Arras, Narras*, которые восходят к названию города Аррас в Сев. Франции). Нередко появляются различного рода протезы: *-z*: *ганьш* и *анис* (нем. *Anis*, или фр. *anis* из лат. *anisum*); *-a*: *референдарь* и *ареферендарь*. Вариативность начального *из-/з-* в начале слова, как правило, указывает на западнорусское происхождение слова: *извычливый* и *зычливый* (пол. *życzliwy*), *израда* и *зрада* (пол. *zdrada* ‘измена, предательство’), *извыклый* и *зыклый* и др. Конец слова подвергался изменениям по фонетико-морфологическим причинам, то есть существенным фактором была необходимость приспособления иноязычного слова к русской морфологической системе, включения в русскую систему склонений. Неслучайно, например, фиксируются попытки оформления необычного для русского языка конца слова на *-ье* (воспринимаемого как средний род) по мужскому роду: см. варианты *шевалье* и *шевалир*, *привилье* и *привилей* (*привилий*). Конечное латинское *-tio* и европейское *-tion* превращались в русском языке посредством польского *-cja* в завершение слов женского рода *-ция*: *инструкция* (вероятно, из пол. *instrukcja* от латин. *Instructio*), *информация* (через пол. *informacja* от латин. *Informatio*), *резиденция* (через пол. *rezydencja* или нем. *Residenz* от лат. *residentia*: *residēre* ‘восседать’). Финальное *-ie, -ia, -ée* чаще передавалось как *ея*: *романея* (франц. *romanée* от названия местности), *рацея* (ст.-пол.

gaseja), *портупея* (от французского *porte-éree*, от *porter* ‘носить’ + *éree* ‘шпага’), *мальмазея, монархея*. Группа согласных на конце слова могла упрощаться: *дрогъ* (из голл. *dregtouw* ‘якорный канат’).

Очень широкая вариативность наблюдается при передаче гласных звуков в европейских заимствованиях, в связи с чем в старорусском языке, как уже было отмечено, фиксируются множественные фонетико-графические варианты одного и того же заимствованного слова в разных памятниках: см. *резидентъ* – *резедентъ* – *резидентъ* – *рызедентъ* (из нем. *Resident*, возможно, через пол. *rezydent*), *региментъ* – *регементъ* – *ригаментъ* – *ригементъ* – *ригиментъ* – *регимонтъ* (из нем. *Regiment* или пол. *regiment*). Фонетика европеизмов – отражение их пути в русский язык: так, В. Г. Демьянов подчеркивает, что для названия дорогого сорта английского сукна *лундыш* (через пол. *łundysz*) огласовка с *-у*, известная и в вариантах названий английской столицы, указывает на польское посредство, а не прямое заимствование из английского [4: 148]. Д. Томас отмечает, что форма *инбирь* является не результатом диссимилиации губных (от *имбирь*), а как раз указывает на немецкий источник заимствования названия этой пряности [13: 56] и т. п.

В области передачи согласных звуков отмечаются следующие закономерности: *v/b* и *в* (мена губных): *алабастръ* (*алябастръ*) и *алавастръ* (*оловастръ*) (нем. *Alabaster* из лат. *alabastrum* от греч.), *d/t* и *д* (связано с альвеолярным, а не денгальным, как в русском, характером европейского *d*): *драбант* и *трабант* (вероятно, через пол. или чеш. *drabant* из нем. *Drabant*), *дротик* и *тротик*, *r/p* и *л* (мена плавных): *марграфъ* (*маркграфъ*) и *малграфъ*, *ареферендарь* (наряду с *референдарь*) и *алеферендарь* (от лат. *referendarius*), *мальмазея* и *мармазея*, *барберь* и *балберь*. Исконному *f* обычно соответствовало *ф*, но иногда и *х* (*кафля* и *кахля*), *ф* может чередоваться с *п*: *триповый* и *трифовый* (образованы от существительного *трип* ‘шерстяная ворсистая ткань’). Часты вариации в передаче заднеязычных перед гласными переднего ряда: см. *инженеръ* (*ингениор*) – *инженер* (*инжениер*) (вероятно, из нем. *Ingenieur* от франц. *ingénieur*). Для языка этого времени типично чередование *s/ш* и *с*: *шнур* и *снур* (через пол. *sznur, sznurek* из ср.-в.-нем. *spuor*), *анисъ* и *анышь* (нем. *Anis*, или фр. *anis* из лат. *anisum*), ср. и смол. диал. *анышевка* ‘анисовая водка’, *шляпа* и *сляпа*, *спатца* и *шпатция*, а также *s/c* и *ц*: *пансырь* (более частотно, чем *панцырь*) (от нем. *Panzer* пол. *panserz*), *сукать* и *цукать* (итал. *succade* от лат. *su(c)sus* ‘сок’),

свилить и *цивилить*. Нередкой является метатеза: *протугаль* и *португаль* (пол. *portugał*), *протазань* и *партазань* (нем. *Partisanne*). А. К. Рейцак отдельно останавливается на лексемах *тарель* и *тарелка* (оба варианта с 1509 года) и видит причину метатезы и укоренения слова в языке в огласовке с метатезой именно в наличии в языке лексемы *талер* [9: 17].

Корреляция по глухости/звонкости в фонетической системе русского языка к этому времени уже сформирована, и исконный звонкий на конце слова, как правило, передавался русским глухим звуком: *банть*, *тюкь*. Но наблюдаются и обратные случаи, когда (именно с учетом функционирующего в русском языке закона оглушения согласных на конце) исконный глухой звук передается русским звонким согласным: *стаметь* (*стамить*) и *стамедь* (*стамидь*) ‘род шерстяной ткани’ (через нем. *Stamet* или голл. *stamet* или непосредственно от ит. *stametto*, ср. ст.фр. *estamet* ‘грубая шерстяная ткань’; первоисточником является лат. *stāmen* ‘основа (ткани)’), *пась* и *пазь* ‘документ, дающий право прохода/провоза, паспорт’ (через нем. *Pass* и франц. *passé* от итал. *passo*), *гравь* и *графь* (из нем. *Graf*). В русском языке уже сложилась и корреляция согласных по мягкости/твердости, поэтому колебания касались передачи полумягкости западноевропейских согласных: *гульденъ* и *гюльденъ*, *рынок* и *ринок*, *лундыш* и *люндыш*, *сулема* и *сюлема* и др.

В целом следует отметить характерную для процесса заимствования в старорусском языке близость заимствуемого слова языку-источнику и значительную фонетико-графическую вариативность заимствований европейского происхождения.

Морфологическая классификация европеизмов в старорусском языке

В период XVI–XVII веков из европейских языков в русский заимствуются преимущественно существительные, в меньшей степени глаголы, еще меньше заимствованных прилагательных. Практически все заимствования, не являющиеся существительными, обнаруживают польское (в некоторых случаях западнорусское) происхождение или посредство. Большинство заимствованных глаголов – глаголы на *-овать/-евать*: *короновать*, *штурмовать*, *малевать*, но не только: *камфарить*, *лудить*. Заимствованные прилагательные (*пуклястый*, *папылевый*, *реестровый*) достаточно редки и малочастотны, иногда известны в единичной фиксации; они вступали в синонимические (обычно дублетные) отношения с прилагательными, образованными от соответ-

ствующего заимствованного существительного: см. *сталевоый* (очевидно, через польское посредство (ср. пол. *stałowy*)) и *стальной* от известного в русском языке с XV века существительного *сталь* (из ср.-н.-нм. *stâl* с 1625 года). Заимствованные наречия единичны (*носполито*), тоже, как правило, польского или западнорусского происхождения.

В ряде случаев при заимствовании происходила мена частеречных характеристик заимствованного слова: например, прилагательные по происхождению, лексемы *брюкишь*, *лундышь* заимствуются в русский как существительные. Напротив, существительное *адамашка* в широко распространенном сочетании *камка адамашка* ‘дешевый сорт шелковой узорчатой ткани (камки)’, как подчеркивает В. Г. Демьянов, выполняет скорее роль прилагательного [4: 278–279]. Также нередко заимствованные существительные используются наряду со словосочетаниями, состоящими из прилагательного от заимствованной основы того же корня и существительного, указывающего на родовой класс предметов, явлений: см. *салвиева трава* – *салвия*, *романова трава* – *романья*, *салатова трава* – *салат*, *лундское сукно* – *лундышь*, *еренковое сукно* – *еренок*, *москотилие* (*москоть*) – *москотильные товары*), *мушкатель* – *мушкательное вино* и т. п. Такая синонимия однословных и расчлененных наименований в целом характерна для лексико-семантической системы старорусского языка, для которой типичны избыточность (плеоназм) лексико-семантических средств, проявляющаяся в развитых вариативности, синонимии и полиномии: ср. *середний день* – *среда*, *вселенный мир* – *вселенная*, *водяной ключ* – *ключ*.

В старорусский язык заимствуются и отдельные слова, и целые словообразовательные гнезда (*инструктор*, *инструкция*; *режимент*, *режиментарь*), чему в случае, когда слова приходили в русский из польского или посредством польского, способствовала и близкородственность языка-реципиента и языка-источника или языка-посредника.

Грамматическая ассимиляция европеизмов в русском языке XVI–XVII веков

Грамматическое освоение заимствований в старорусском языке предполагало включение заимствований в морфологическую систему старорусского языка и проходило достаточно последовательно. Среди европеизмов в языке XVI–XVII веков нет несклоняемых существительных и прилагательных, вся лексика грамматически освоена; к этому же выводу приходит А. К. Рейцак на основе анализа более 400 германизмов, заимствованных в XVI–XVII веках:

«...ни одно из существительных германского происхождения не может быть признано грамматически неполностью освоенным. Германизмы, принадлежащие к глаголам и прилагательным, также дефективными не являлись» [9: 21], см. также [4].

Самый часто варьируемый морфологический признак – род существительных: см. наличие морфологических вариантов *дюк* и *дюка* (итал. *duca*, греч. *δοῦκας*, фр. *duc*, исп. и порт. *duque* ‘герцог’ из лат. *dux, ducis*), *галер* и *галера* (из нем. *Galeere* или итал. *galera*), *персонъ* и *персона* (через пол. *persona* из лат. *persona*), *рынок* (*рынок*) и *ринка* (*рынка*) (через пол. *rynok*, чеш. *rynok* ‘круг, городская площадь’ из ср.-в.-н. *rynck, -ges* ‘круг, площадь’), *литр* и *литра*, *списъ* и *списа*, *салатъ* и *салата*, *ратушь* и *ратуша*, *смольчуга* и *смольчугъ*, *табак* и *табака* и др. Иногда род слова в русском языке совпадает с родом существительного в языке-источнике, хотя может меняться склонение: *пищаль* (из чешского *píšťala* ‘дудка’), чаще – с родом существительного в языке-посреднике: *реша* и *рейша* ‘государство’ (ср. пол. *zjesza* из нем. *Reich*). Но нередко род меняется по сравнению с родом в языке-источнике или посреднике: *ганка* (через пол. *ganek* из нем. *Gang* ‘коридор, ход’), *кастрюля* (через нем. *Kasserolle* из фр. *casserolle*), *дышло* (из пол. *dyszeł* из ср.-в.-нем. *dihsel*). Реже имеет место мена категории числа: см. множественное число существительного *гайдукъ* в венгерском интерпретировано в русском как единственное; как собирательное воспринято существительное *ребела* ‘бунтовщики’ (от нем. *Rebell* ‘бунтовщик’).

Словообразовательная ассимиляция европеизмов в русском языке XVI–XVII веков

В отношении восприятия морфемной структуры заимствованных слов можно наблюдать два противоположных процесса: суффиксацию и опрощение. При суффиксации часть заимствованных слов переоформлялась в русский суффикс (*рисунокъ*, *рюмка*). При опрощении (особенно характерно при восприятии латинизмов) исконный суффикс, напротив, переставал вычленяться (*универсаль*, *стерлингъ*, *фактор*). В старорусском языке было активно словопроизводство от заимствованных основ европейского происхождения. Первыми от заимствованных существительных образовывались относительные производные прилагательные, и поскольку в XVI–XVII веках заимствуется значительное количество конкретной лексики, в русском языке в этот период существенно возрастает количество относительных прилагательных (*генеральный* и *генеральский*, *лимоновый* и *лимонный*, *нот-*

ный, *оливный*, *пистолетный* и др.). Также активно от существительных образуются уменьшительные дериваты, и это часто не реальная уменьшительность, а разговорные синонимы или образования, имеющие пренебрежительное значение, характерные для этикетного формуляра деловых документов Московского государства (*доломынецъ*, *карабиньшишко*, *хляжечка*, *штучка*). От ряда конкретных существительных образуются обозначения действующих лиц (как правило, мастеров) (*алебардщикъ*, *гранатчикъ*, *москотильщикъ*), а также обозначения неодушевленных предметов (*персонникъ*, *пихтовникъ*, *гусарка*). Реже образовывались абстрактные существительные (*инженерство*, *рейтарство*, *резиденчество*). Иногда производные, зафиксированные ранее производящих, позволяют дать более раннюю датировку вхождения заимствования (см. тезис Г. А. Богатовой об абсолютности факта фиксации и относительности его хронологизирования [1: 26]): например, *пулька* (1586) раньше, чем *пуля* (1662). И. С. Дроздова подчеркивает, что словообразовательное освоение заимствований в русском языке XVII века представляло собой активный процесс, использующий различные возможности русского словообразования, при этом «для образования производных форм иноязычных слов используются те же самые словообразовательные средства, что и для образования дериватов от исконных слов, т. е. механизм словообразования остается русским» [5: 13–14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В языке Московской Руси возрастает количество заимствований из европейских языков, и заимствованная лексика закономерно ассимилируется в языке этого периода. Яркая особенность освоения европеизмов в этот период – их вариативность. В ряде случаев разные формальные варианты заимствований в языке Московской Руси могут указывать на разные источники заимствования: *камин* (через нем. *Kamin* от лат. *camīnus* из греч. *κάμινος*) и *комин* (из пол. *komīn* от нем. *Kamin* от лат. *camīnus*), *табак* (возможно, из нем. *Tabak* или фр. *tabac* через исп. *tabaco* из аравакского) и *табака* (предположительно через пол. *tabaka* от того же источника), *баркъ* (англ. *bark*, или голл. *bark*, или ниж.-нем. *Barck*) и *барка* (нем. *Barke*, или фр. *barque*, или итал. *barca* из ср.-лат. *barica* от греч. *βάρης* ‘египетское судно, лодка’). Разные маршруты слова и их разная формальная адаптация могли приводить к появлению нескольких слов в русском языке, см. *губернаторъ* (через пол. *gubernator* из лат. *gubernator*) и *губерноръ* (возможно, из англ.

Governor), более раннее *башта* (через пол. *baszta*, чеш. *bašta* из ит. *bastia* ‘крепость, укрепление’) и позднее *башня* («морфолого-словообразовательное переоформление с помощью финали *-ня* (ср. *колокольня*, *караульня*) более старого заимствования из польского языка – *башта*» [10: 161]), *адамашка* (*одамашка*) ‘шелковая ткань’ (через пол. *adamaszek*, ср.-лат. *adamascus* из ит. *damasco*; первоначально ‘ткань из Дамаска’) и *домашка* (для этого варианта Д. Томас предполагает скорее немецкое посредство: ср.-нж.-н. *damaschk* [13: 55]), *аранецъ* и *нارانжъ* (возможно, фр. посредство от перс.-араб. *nāranj*), а также *помаранецъ* (*поморанецъ*, *померанецъ*) (из нем. *Pomeranze* ‘горький сорт апельсинов’ от ит. *romo* ‘яблоко’ и *agancia* ‘апельсин’; от перс.-араб. *nāranj*) и *помаранча* (вероятно, при польском посредстве), *ратушь* (*ратуша*) (пол. *ratusz* из ср.-в.-нем. *rathus*) и *ратхузь* (датск. *radhus*).

Особенность фонетической ассимиляции заимствований этого периода – близость к языку-источнику (и посреднику), при освоении на-

блюдается значительное фонетико-графическое варьирование.

С точки зрения частеречного распределения в русский язык Московской Руси из языков Европы заимствуются преимущественно существительные, в меньшей степени глаголы. Наблюдается полное грамматическое освоение этих заимствований и последовательное включение их в русскую морфологическую систему, несклоняемых существительных и прилагательных не фиксируется, самый часто варьируемый грамматический признак – род.

От заимствованных основ активно образуются производные, но в деривации исконных и заимствованных лексем нет принципиальных различий.

Таким образом, памятники старорусского языка демонстрируют начало активного проникновения в русский язык заимствований европейского происхождения, и этот процесс – в частности формальная ассимиляция европеизмов – носит своеобразный характер, будучи осложнен частым опосредованным характером заимствований и сильной языковой вариативностью.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00224А «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (восьмой, девятый и десятый выпуски).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука: Азбуковник: Нестор-История, 1975–2016 (издание продолжается).
- ² Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–8. СПб.: Наука, 2004–2018 (издание продолжается).
- ³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева: В 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. 255 с.
2. Витковский В. Новый словарь польских заимствований в русском языке = Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: Universitas, 2006. 256 с.
3. Гарбуль Л. П. К вопросу о роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах // Slavistica Vilnensis. 2017. № 62. С. 65–78. DOI: 10.15388/SlavViln.2017.62.11683
4. Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2001. 409 с.
5. Дроздова И. С. Заимствования в русском языке XVII века: особенности словообразовательной адаптации // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 11–14.
6. Золтан А. Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М.: Индик, 2014. 224 с.
7. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 22–34.
8. Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVII веков (Studia z filologii rosyjskiej i słowiańskiej. Т. 7). Warszawa, 1984. 177 с.
9. Рейцак А. К. Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963. 27 с.
10. Щитова О. Г. Культурно-языковые ценности в региональном компоненте образования (на материале томских памятников письменности XVII в.) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 2 (46). С. 158–162.
11. Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 480 с.

12. H u t t l - W o r t h G. Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550–1800. University of California Publications in Linguistics. Berkeley Los Angeles: Univ. of California press, 1963. 132 p.
13. T h o m a s G. Средненижненемецкие заимствования в русском языке // *Russian Linguistics*. 1976. № 3. С. 55–62.

Поступила в редакцию 16.03.2020

Elena V. Generalova, PhD in Philology, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
elena-generalova@yandex.ru

EUROPEAN LOANWORDS IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE: PHONETIC, GRAMMATICAL AND DERIVATIONAL ADAPTATION*

The article discusses the processes of formal adaptation of loanwords borrowed from European languages into Russian during the XVI and the XVII centuries. The paper deals with the specific features of phonetic, grammatical and word-building assimilation of foreign language vocabulary in the pre-Petrine epoch. The data of historical and etymological dictionaries of the Russian language were used as the research material. The texts of this period demonstrate the beginning of active penetration of borrowings of the European origin into the Russian language, and this process – in particular, the formal assimilation – was specific, since it was complicated by the frequently indirect nature of the borrowings and wide language variation. The peculiarity of the phonetic assimilation of the European borrowings is their proximity to the source language (and the intermediary language) and significant phonetic and graphic variation. In terms of part-of-speech ratio, the Russian language of Moscow Rus' mainly adopted the nouns and less frequently the verbs from the languages of Europe. Grammatically, these borrowings were completely assimilated and consistently integrated into Russian morphological system. Indeclinable nouns and adjectives are not identified in Old Russian, and the most often varied grammatical feature is gender. Derivatives are actively formed from the borrowed stems, but there is no fundamental difference between the derivation of native and borrowed words.

Keywords: borrowing, loanwords, Russian language of the XVI–XVII centuries, historical lexicology, phonetic assimilation, grammatical assimilation, word-building assimilation

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research Grant No 18-012-00224A “Dictionary of the common Russian language of Moscow Rus' of the XVI and the XVII centuries” (Issues 8, 9 and 10).

Cite this article as: Generalova E. V. European loanwords in the Old Russian language: phonetic, grammatical and derivational adaptation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 5. P. 45–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.498

REFERENCES

1. B o g a t o v a G. A. History of the word as an object of Russian historical lexicography. Moscow, 1984. 255 p. (In Russ.)
2. V i t k o v s k i y V. New dictionary of Polish borrowings in Russian = Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków, 2006. 256 p. (In Russ.)
3. G a r b u l' L. P. On the question of the role of the written language of the Grand Duchy of Lithuania in inter-Slavonic language contacts. *Slavistica Vilnensis*. 2017. No 62. P. 65–78. (In Russ.) DOI: 10.15388/SlavViln.2017.62.11683
4. D e m' y a n o v V. G. Foreign language vocabulary in the history of the Russian language between the XI and the XVII centuries. Moscow, 2001. 409 p. (In Russ.)
5. D r o z d o v a I. S. The borrowed vocabulary in the Russian language of the 17th century: the peculiarities of the word-formative adaptation. *Tomsk State University Journal*. 2008. No 317. P. 11–14. (In Russ.)
6. Z o l t a n A. Interslavica: Research on interslavic language and cultural contacts. Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.)
7. L a r i n B. A. Spoken language of Moscow Rus'. *Initial stage of formation of the Russian national language*. Leningrad, 1961. P. 22–34. (In Russ.)
8. M i l e y k o v s k a y a G. Polish borrowings in the Russian literary language from between the XV and the XVII centuries. (Studia z filologii rosyjskiej i slowianskiej. T. 7). Warszawa, 1984. 177 p. (In Russ.)
9. R e y t s a k A. K. Germanisms in the vocabulary of monuments of Russian business writing from between the XV and the XVII centuries. Author's Abstract of Diss. Cand. Sci. (Philology). Leningrad, 1963. 27 p. (In Russ.)
10. S h c h i t o v a O. G. Cultural and linguistic values in the regional component of education (using the materials of Tomsk monuments of written language from the XVII century). *Tomsk State University Journal*. 2005. No 2 (46). P. 158–162. (In Russ.)
11. S h c h i t o v a O. G. Borrowed vocabulary in the Russian spoken language of Middle Priobye region in the XVII century. Tomsk, 2008. 480 p. (In Russ.)
12. H u t t l - W o r t h G. Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550–1800. University of California Publications in Linguistics. Berkeley Los Angeles, 1963. 132 p.
13. T h o m a s G. Middle Low German borrowing in Russian. *Russian Linguistics*. 1976. No 3. P. 55–62.

Received: 16 March, 2020